

Когда из уст Фэн Сяовэй вырвалось это звонкое «Тётушка!», дверь соседней палаты со щелчком распахнулась. Стоявший на пороге Фэн Дунъюэ услышал обращение, и выражение его лица стало весьма неоднозначным.

— Доктор Юнь, а я-то думала, он так и проживёт всю жизнь никому не нужным! — Фэн Сяовэй с трепетом сжала руку Юнь Мэнцзэ, заикаясь от нахлынувших чувств. — Какое счастье, что вы согласились быть с ним, у-у-у...

Юнь Мэнцзэ торопливо высвободил ладонь:

— Госпожа Фэн, вы ошиблись. Тот пациент не совсем в себе и просто сболтнул глупость.

Фэн Сяовэй застыла с видом глубочайшего разочарования:

— В самом деле?

Не успел Юнь Мэнцзэ ответить, как Фэн Дунъюэ произнёс низким, суровым голосом:

— Сяовэй, ты дорам пересмотрела? Не позорься в коридоре, быстро заходи.

Стоило дяде заговорить, как девушка мгновенно вспыхнула:

— С какой стати я позорюсь?! Я, между прочим, твой единственный близкий человек! И переживаю за твою личную жизнь! Боюсь, что с твоим скверным характером ты останешься один до конца дней и будешь донимать меня в соцсетях дурацкими старушечьими картинками! Что в этом плохого?!

— Не тебе о моих делах печься, со своими сначала разберись, — холодно отрезал Фэн Дунъюэ.
— И потише води себя при посторонних. Не нужно носить юбки всё короче только потому, что кто-то похвалил твои ноги. К тому же тот человек — мужчина!

— И... и что, если мужчина?! Такой миленький — конечно же это мальчик! — Фэн Сяовэй вздрогнула от неожиданности, но тут же опомнилась: — Стоп, а ты-то откуда знаешь?

— Ты вообще представляешь, насколько громко орёшь? — Фэн Дунъюэ небрежно указал рукой в конец коридора, где медсёстры как раз закатывали каталку в лифт. — Полагаю, от твоих воплей даже тот паралитик, что пролежал в коме несколько лет на седьмом этаже, и тот очнулся.

Фэн Сяовэй застыла без движения. Ещё немного — и она сама превратится в коматозный «овощ» от такой наглости.

В голове Юнь Мэнцзэ мгновенно возник образ лежащего при смерти больного, который в ужасе подскакивает на кровати. Доктор торопливо отвернулся, пряча улыбку, и, лишь вернув лицу подобающее спокойствие, мягко предложил им продолжить разговор в палате, чтобы не тревожить остальных пациентов.

Фэн Сяовэй вовсе не горела желанием оставаться наедине с дядей. Она ухватилась за рукав Юнь Мэнцзэ и капризно потянула:

— А разве мы не можем поболтать втроём, как одна большая семья?

Фэн Дунъюэ без лишних церемоний затащил неугомонную племянницу в палату и повернулся к Юнь Мэнцзэ:

— Извините. Она ещё молода и глупа, не берите в голову, доктор Юнь.

Юнь Мэнцзэ покачал головой:

— Ничего страшного. Впрочем, вам стоит проявлять больше внимания к её учёбе и жизни в институте. И старайтесь разговаривать с ней поспокойнее.

— Я всегда спокоен, — безбоязненно и без единой эмоции ответил Фэн Дунъюэ.

«Да уж, вы-то спокойны, — мысленно усмехнулся Юнь Мэнцзэ. — Вот только окружающих доводите до белого каления».

Обойдя ещё нескольких больных в Зоне А и убедившись, что всё в порядке, Юнь Мэнцзэ отправился в столовую. Взяв пару любимых блюд, он на мгновение задержался у витрины с десертами. Сегодня там выставили множество симпатичных пирожных, и медсёстры неподалёку с сомнением обсуждали, стоит ли поддаваться искушению перед выходными, обменяв лишние калории на маленькое сладкое счастье.

Поколебавшись пару мгновений, Юнь Мэнцзэ всё же прошёл мимо и устроился за свободным столиком.

— Старший! — подскочил Бай Мо и бесцеремонно сгреб Юнь Мэнцзэ за плечо, усаживаясь рядом со стаканом баббл-ти в руке. — Пойдём в выходные развлечёмся!

Юнь Мэнцзэ аккуратно сбросил его руку:

— Развлекайтесь без меня, молодёжь. Мне ещё к лекциям готовиться.

— Что значит «молодёжь»? — Бай Мо задумчиво прикусил трубочку. — Ты старше меня всего на год! Кстати, сегодня у сестры Сяонань день рождения. Понятно, что из-за смены отгуляем в выходные, но ты обязан быть!

— У сестры Сяонань? — Юнь Мэнцзэ задумался о подарке. — Тогда, конечно, приду. А ты сам что — собираешься наконец признаться ей в чувствах?

Бай Мо работал детским клиническим психологом. Открытый, улыбчивый парняга, он с лёгкостью завоёвывал симпатии — что раньше в институте, что теперь в санатории. Однако питал слабость исключительно к женщинам старше себя: его идеалом были либо холодные роковые красотки, либо заботливые зрелые дамы. Поэтому он то и дело волочился за старшей медсестрой Чжу Сяонань, неизменно натываясь на ледяной отпор.

— Эх, старший, ну ты и насквозь меня видишь! — Бай Мо смущённо взъерошил затылок, просияв до ушей. — Именно! Слушай, а что бы такое ей подарить, чтобы шансы на успех выросли?

— Плётку, — с абсолютно невозмутимым видом посоветовал Юнь Мэнцзэ.

— Ну ты даёшь, старший! С виду такой интеллигентный, а внутри — чистый зверь! — выдав эту эскападу, Бай Мо наклонился ближе и понизил голос: — Впрочем... если подумать, образ властной госпожи ей и впрямь бы пошёл! Хи-хи.

— Да просто тебе идеально подойдёт быть связанным по рукам и ногам, визжать под её шпильками и с пылающими щеками умолять: «Ещё, пожалуйста, ещё жестче!», — поддел его Юнь Мэнцзэ.

—... Старший, да ты садист, — опешил Бай Мо.

В студенческие годы девушки боготворили Юнь Мэнцзэ, воспевая его мягкость, обходительность и безупречные манеры. Знали бы они, каков этот «идеальный мужчина» на самом деле!

— Ага, садист от слова Sweet — сладкий, — Юнь Мэнцзэ усмехнулся, подхватывая поднос. — Как определитесь с местом и временем, звякни. Я пошёл.

— Договорились, давай! — Бай Мо помахал ему стаканом.

Сдав поднос, Юнь Мэнцзэ снова помедлил у витрины и всё же взял небольшой круглый чизкейк с черникой. За окном ласково светило полуденное солнце, и доктор решил съесть десерт на свежем воздухе, найдя тихий уголок на лужайке.

Сейчас как раз шёл приёмный час, и с выбранного места открывался отличный обзор на зону

посещений. Одни пациенты с безучастным видом сидели напротив родственников, другие рыдали у них на груди, а кто-то посреди мирного разговора вдруг бросался на близких — благо санитары реагировали мгновенно и тут же скручивали буйных.

— Дорогой, ты уже пообедал? — раздался рядом мягкий женский голос.

Юнь Мэнцзэ прищурился от ярких лучей и узнал пациентку из Зоны В. Он с тёплой улыбкой протянул ей руку:

— Да, пообедал. А вы?

Женщине было около пятидесяти. Её длинные волосы с сединой были уложены в аккуратный боковой хвост. Несмотря на возраст, она сохраняла элегантность и утончённость. Застенчиво, совсем по-девичьи улыбнувшись, она сжала ладонь Юнь Мэнцзэ и присела рядом:

— И я тоже... Я ела... ела...

В её глазах проскользнуло замешательство. Заметив, как она теряет нить мыслей, доктор мягко перевёл тему:

— Если вам не хочется спать, посидите со мной, позагорает.

— Хорошо! — женщина радостно кивнула и протянула ему потёртую книгу: — Дорогой, мы в прошлый раз не закончили сказку. Почитай мне ещё!

— С удовольствием, — Юнь Мэнцзэ взял из её рук томик с поблекшим от времени переплётом и захватанными страницами. Раскрыв его, он уже в какой раз перелистнул на семьдесят восьмую страницу и зачитал вслух.

Тем временем свидание Фэн Дунъюэ с племянницей окончилось, как и всегда, на крайне натянутой ноте. Проводив Сяовэй, он возвращался через сад и застал весьма трогательную, но оттого не менее странную картину.

Осенний ветер кружил в воздухе багряные и золотые листья. В самом солнечном уголке двора, на скамье, сидел Юнь Мэнцзэ с книгой в руках. К нему доверчиво прижималась женщина средних лет; положив голову ему на плечо, она блаженно улыбалась, точно слушала прелестную детскую сказку или историю со счастливым концом.

Подойдя со спины, Фэн Дунъюэ услышал, как бархатистый, глубокий голос Юнь Мэнцзэ чеканит:

— «... Таким образом, в условиях совершенной конкуренции условием краткосрочного

равновесия фирмы является равенство предельного дохода предельным издержкам, то есть MR равно SMC , вследствие чего фирма...»

Женщина чуть покраснела:

— Милый, у тебя такой красивый голос. Обожаю твои сказки.

Юнь Мэнцзэ прикрыл фолиант с гордой надписью «Введение в западную экономику» на обложке и мягко ответил:

— Если вам нравится, я готов читать вам хоть каждый день.

— Доктор Юнь, вы женаты? — слегка приподнял бровь Фэн Дунъюэ.

Только тут Юнь Мэнцзэ заметил постороннего. Помогши женщине подняться, он произнёс:

— Нам с этим господином нужно кое-что обсудить. Возвращайтесь в палату, отдохните немного, хорошо?

Женщина растерянно кивнула и принялась беспокойно оглядываться. Доктор вызвал через Систему санитара, и тот аккуратно увёл пациентку.

Фэн Дунъюэ, разумеется, сразу понял, что женщина нездорова. Юнь Мэнцзэ тихо пояснил: у неё болезнь Альцгеймера. Её муж преподавал экономику и давно скончался. Дети погрязли в заботах и редкие гости в её палате. Впрочем, она всё равно их не узнаёт и не помнит родного дома. Лишь изредка, в минуты просветления, к ней возвращаются обрывки воспоминаний юности.

— Похоже, в молодости её супруг смахивал на меня, вот она и принимает меня за него. Впрочем, скоро она всё забудет, — Юнь Мэнцзэ жестом пригласил Фэн Дунъюэ присесть. — Госпожа Фэн уже уехала? Как всё прошло?

— Весьма неплохо, — ответил Фэн Дунъюэ, подставляя лицо тёплым лучам.

— Вот и отлично, — вздохнул с облегчением доктор.

— Она назвала меня бесчувственным ископаемым и заявила, что отрекается от меня раз и навсегда.

Юнь Мэнцзэ потерял дар речи.

Он перевёл взгляд на противоположную сторону двора:

— В нашей клинике немало тех, кто уже давно пошёл на поправку, однако родные не спешат забирать их домой. В Зоне С живёт старичок: сперва он более десяти лет скитался по другим лечебницам, а потом семь лет провёл у нас. Его родная внучка даже не подозревает о существовании деда. Конечно, профессиональный уход необходим, но поддержка близких не менее важна.

Фэн Дунъюэ — то ли в силу характера, то ли из-за привычки не оправдываться перед посторонними — выслушал эту отнюдь не тонкую нотацию с непроницаемым видом. Достав из кармана листок сине-фиолетовой бумаги, он принялся молча сгибать его.

В его пальцах вновь распустился оригами-ирис. Протянув цветок Юнь Мэнцзэ, Фэн Дунъюэ произнёс:

— Я понимаю, к чему вы клоните. Но в нашей семье всё слишком запутанно, в двух словах не объяснишь.

Юнь Мэнцзэ бережно принял подарок, рассматривая лепестки:

— Кажется, вам очень нравятся эти цветы. С ними связана какая-то история?

— Сине-фиолетовый ирис ещё называют цветком Алисы. Ничего особенного — просто красивый.

«Алиса? Как в "Алисе в Стране чудес"?» — подумал Юнь Мэнцзэ, вспомнив, как Фэн Дунъюэ однажды цитировал разговор Чеширского Кота и Алисы. Доктор предположил, что тот часто читал эту сказку маленькой Сяовэй. Должно быть, сталкиваясь с нынешней взбалмошной девушкой, он просто тосковал по временам, когда она была послушной малышкой.

— Спасибо за цветок. Кстати, вы ведь ещё не пообедали? — Юнь Мэнцзэ спрятал бумажный ирис и извлёк из кармана заветную коробочку. — Угощайтесь.

Фэн Дунъюэ оглядел десерт с практичным скепсисом:

— Кроха какая. Тут и на один укус не хватит, ешьте сами.

Юнь Мэнцзэ лишь тепло улыбнулся:

— Если разделить угощение с кем-то, даже крошка превратится в пир.

Он аккуратно разрезал чизкейк пластиковой вилочкой надвое. Одну половинку бережно переложил на салфетку для себя, а коробочку со второй протянул спутнику. В тишине угасающего полудня, под нежными лучами солнца, они ели сладкий десерт. Ни тот, ни другой не произнесли ни слова; маленькое лакомство, которое можно было проглотить в мгновение ока, оба смаковали с особым трепетом.

Юнь Мэнцзэ не знал, ощутил ли Фэн Дунъюэ вкус «королевского пира», но сам доктор находил чизкейк восхитительным.

Вообще-то сегодня был его день рождения. Но Юнь Мэнцзэ никогда его не праздновал и никому о нём не рассказывал, так что окружающие даже не догадывались.

И всё же сегодня он разделил с человеком угощение и получил в подарок «цветок». Чем не праздник?

Доев последний кусочек, он собрался было выбросить салфетку, как вдруг чужая рука с неожиданной нежностью коснулась его лица, смахнув что-то у самого уголка губ.

Юнь Мэнцзэ удивлённо повернулся:

— М?

Фэн Дунъюэ поднёс большой палец к глазам:

— Крем.

— А, спасибо, — Юнь Мэнцзэ машинально оттер щеку ладонью.

Фэн Дунъюэ забрал у него из рук салфетку с вилочкой и вместе со своей коробочкой выбросил в стоявшую неподалёку урну. Доктор уже намеревался закончить этот приятный перерыв и вернуться к работе, как Фэн Дунъюэ окликнул его:

— Доктор Юнь.

Юнь Мэнцзэ поднял взгляд:

— Да?

— С днём рождения.